

LITERATUROZNAWSTWO

Aleksander Szajkin
Orzeł

Олег Вещий: опыт анализа летописной биографии

Биография Олега, прочитанная как единое целое, являет собою *сюжет* и наводит на мысли, открыто в летописном тексте не высказанные. Начинает Олег свою деятельность как фигура «местного» масштаба. Разнообразны предположения о его родословии: он мог быть братом жены Рюрика,¹ мог принадлежать к местной ладожской знати славянского происхождения.² По поводу даты рождения Олега никаких положительных сведений нет; скорее всего, он родился около середины IX в. После смерти Рюрика он, согласно ПВЛ, получает нечто вроде регентства при малолетнем Игоре.³ Три года Олег осваивается с полученной властью, укрепляет свои позиции в Новгороде и подчинившихся варягам племенах, среди которых летопись называет чудь, словен,

¹ М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.*, Санкт-Петербург 2003, с. 127.

² А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, *Русь и Варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени)*, [в:] *Славяне и Скандинавы*, Москва 1986, с. 195.

³ Как известно, Новгородская первая летопись младшего извода (далее: НЛМ) называет Олега воеводой Игоря. А. А. Шахматов считал, что в первоначальном источнике, так называемом Древнейшем Киевском своде, захват Киева и другие события были связаны только с именем Олега. См.: А. А. Шахматов, *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, Санкт-Петербург 1908, с. 318-319. Нам представляется, что в древнейшем источнике князей было двое: редакция этого источника в НЛМ выдвинула на ведущее место Игоря, низведя Олега в воеводы; *Повесть временных лет* (далее: ПВЛ), сохранив за обоими княжеское достоинство, «развела» их во времени – Игорь стал ребенком (в НЛМ он – взрослый самостоятельный князь). Подробнее см.: А. А. Шайкин, *Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет»*, [в:] *Труды Отдела древнерусской литературы* (далее: ТОДРЛ), Санкт-Петербург 2007, т. 58, с. 607 – 626. Загадочным остается полное молчание об Олеге в *Польской истории* Яна Длугоша. См.: Н. И. Щавелева, *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша* (книги I – VI): Текст, перевод, комментарий, Москва 2004.

мери, весь и кривичей, а затем предпринимает энергичную экспансию по течению Днепра: «...приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои»⁴ (20).

Если о покорении Смоленска и Любеча сообщается, как видим, лаконично, то захвату Киева посвящается пространный и драматизированный новелла. «И придоста къ горамъ хъ киевскимъ, и увѣда Олегъ, яко Осколдъ и Дирь княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтска. И приплу подъ Угорьское⁵, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь⁶, и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ к родомъ своимъ». Асколдь же и Дирь придоста, и выскакаша вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дири ...» (20).

Лаконизм и информативность в сообщениях о докиевских делах Олега отнюдь не означает их документальной достоверности; сообщений такого рода сколько угодно в сагах – историческом фольклоре североевропейских народов.⁷ В новелле (здесь и далее используем этот термин не в строгом жанровом

⁴ *Повесть временных лет*, ч. 1. Текст, перевод / Подготовка текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Москва – Ленинград 1950. Страницы ПВЛ по этому изданию в тексте в скобках.

⁵ Для развития старой гипотезы об Азовско-Черноморской Руси с центром в районе Керченского пролива, не упоминаемом в русских источниках Эллипалтаром, утверждается, что русское войско (во главе не с Олегом, а с Игорем) двигалось к Киеву не с севера, а с юга, ибо под «Угорьское» можно подойти только с юга. См: Норман Голб и Омельян Прицак, *Хазарско-Еврейские документы X века*, Научная редакция, послесловие и комментарии В. Я. Петрухина, Гешарим, Москва 1997, Иерусалим, 5757, с. 87, 94. Но в таком случае нельзя прикидываться купцами, плывущими из Новгорода «в Греки», т.е. с севера на юг. См. комм. В. Я. Петрухина: Там же. С. 216. Кроме того, при рассмотрении событий тысячелетней давности нельзя ориентироваться по современному руслу Днепра и иным нынешним географическим привязкам, ибо летописец XI или XII века, разясняя киевскую топографию середины X в. (время княгини Ольги), утверждает, что тогда, в X в., Днепр тек иначе, нежели в его время и расположение построек было совершенно иным. – См.: ПВЛ, с. 40. Наконец, указывалось на понимание «подугорских» как «под-югорских», ибо Югра, с которой новгородцы торговали, располагалась на северо-востоке от Новгорода. См.: В. Б. Перхвако, *Летописное предание о захвате князем Олегом Киева в 882 г.*, [в:] *Образование древнерусского государства: спорные проблемы*, Москва 1992, с. 52 – 60; Е. В. Пчелов, *Генеалогия древнерусских князей: IX – начало XI в.*, Москва 2001, с. 117.

⁶ Под видом купца путешествует по Западу Олав Трюгвассон. – См.: Т. Н. Джаксон, *Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.)*, Москва: Наука, 1993, с. 140. Ф. Б. Успенский обратил внимание на то, что многие герои саг, по разным обстоятельствам скрывая свое имя, называют себя именем Gestr, т. е. собственно «гость». См.: Ф. Б. Успенский, *Скандинавы. Варяги. Русь*, [в:] *Историко-филологические очерки*, Москва 2002, с. 313-317 и прим. на стр. 360-363.

⁷ См., например, Сагу о Харальде Прекрасноволосом, деятельность которого в Норвегии вообще напоминает деятельность Олега в Руси. См.: Снорри Стурлусон, *Круг земной*, Москва 1980, с. 42-66.

смысле) о захвате Киева присутствуют характерные фольклорные мотивы – переодевания воинов в купцов и сокрытия воинов внутри (‘в нутре’) лодки⁸, сокрытие своего имени.⁹ Повод к убийству Аскольда и Дира – «вы нѣста князя, ни рода княжа» – свидетельствует о достаточно развитых представлениях о легитимности княжеской власти, о праве наследования в сформировавшихся княжеских родах¹⁰. Само по себе имеющее вид вероломного злодеяния, убийство Аскольда и Дира здесь нимало не осуждается: Олег – представитель законной власти, тогда как Аскольд и Дир, по ПВЛ, – самозванцы. Но показательно, что Олег убивает их не в честном бою, не в поединке, а с помощью хитрости, обмана – черта свидетельствующая об архаичности и героя (имеем в виду «тип героя»), и самого сюжета¹¹.

После захвата Киева начинается общерусская¹² деятельность князя Олега, о которой летопись рассказывает с явной симпатией: «И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ¹³ русьскимъ». И бѣша у него ва-

⁸ Обзор исследований, фиксирующих параллели, см.: Е. В. Пчелов, *Генеалогия древнерусских князей: IX – начало XI в.*, с. 117. Кроме того, см.: А. С. Орлов, *Древняя русская литература XI – XVI вв.*, Москва-Ленинград 1937, с. 93-94; ПВЛ. ч. 2. с. 251 – 252.

⁹ Олег в сцене захвата Киева называет себя «гостем», летописный эпизод, по свидетельству Ф. Б. Успенского, близок к эпизоду из жизнеописаний Олава Трюгтвасона. См.: Ф. Б. Успенский, *Скандинавы. Варяги. Русь*, с. 360, прим. 217.

¹⁰ Близкая ситуация есть в саге об Олаве сыне Трюгтви: ярл Хакон не по праву рождения присвоил себе слишком большую власть; вернувшийся в Норвегию конунг Олав без особого труда отнимает власть у ярла. Рассказ о гибели Хакона в свинарнике весьма любопытен по ситуации и драматизму. – Снорри Стурлусон, *Круг земной*, с. 128-131. Исследователи подчеркивают, что вопрос легитимности власти особо заботил летописца: В. Я. Петрухин, *Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков*, Москва 1995, с. 129-130; А. С. Демин, *О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Иллариона до Ломоносова*, Москва 2003, с. 19.

¹¹ См.: Е. М. Мелетинский, *Народный эпос*, [в:] *Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы*, Москва 1964, с. 53; В. Я. Пропп, *Русский героический эпос*, Москва 1958, 2-е изд., с. 72, 78.

¹² Оспаривая трактовку Олега как норманнского конунга, польский историк Х. Ловмянский на основе анализа летописных сведений об Олеге приходил к выводу, что это был уже сильно славянизированный князь, опиравшийся в значительной мере не на варяжские, а на славянские военные силы и потому, по его мнению, «нельзя говорить о норманнском завоевании Киева под предводительством Олега». Х. Ловмянский, *Русь и норманны*, Москва 1985, с. 143.

¹³ Е. Е. Голубинский отмечал, что так (метрополис – «мать городов») назывались у Греков главные в административном отношении города областей. Е. Е. Голубинский, *История русской церкви*, Москва 1880, т. 1, Первая половина тома, с. 148, прим. 1. Однако И. Н. Данилевский привёл ряд примеров, где «матерью городов» именуется Иерусалим, а отсюда вывод, что Киев – Новый Иерусалим. См.: И. Н. Данилевский, *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.)*, Курс лекций, Москва 1998, с. 361-363. Выражение это, скорее всего, заимствовано летописцем из Георгия Амартола (или восходящих к нему источников), где в связи с Иерусалимом выражением «мать городов» раскрывается понятие «метрополии»: «в метрополии, что означает «мать городов». В. А. Матвеев, Л. И. Щеголева, *Временник Георгия Монаха*

рязи и словѣни и прочи, прозвашася русью. Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ» (20).

В последующие годы, 883 – 885, Олег покоряет и облагает данью древлян, северян, радимичей.¹⁴ Только южные племена тиверцев и уличей продолжают оказывать ему сопротивление. При этом он освобождал покорявшиеся племена от уплаты дани хазарам, заявляя: «Азъ имъ противень, а вамъ не чему»¹⁵ (20). В этой связи И. Забелин предлагал смелую этимологизацию имени Олега: ‘лег-кий’, ‘об-лег-чить’, ‘льгота’, ‘лга – лъзя’ и т. д., видя в деятельности Олега известное облегчение жизни славян в смысле освобождения от подчинения хазарам и установления льгот во взаимоотношениях с греками¹⁶. Несмотря на «народность» этой этимологии, вовсе ее отбрасывать не надо: возможно, И. Забелин улавливает осмысление имени пришлого князя поднепровскими славянами рубежа IX–X веков (ниже мы приведем современные этимологии имени Олег).

А. С. Демин в тексте ПВЛ об Олеге усматривает стремление автора подчеркнуть *законность* вокняжения Олега: Аскольд и Дир были не просто убиты им, но и похоронены, Олег не грабит окрестные племена, а вступает с ними в переговоры и «устанавливает» дани, его последующая победа над греками также церемониальна (щит на вратах) – он не разбойник, а государь большой державы, требующий дани не только для себя и войска, но и для всех подвластных ему территорий и т. п.¹⁷

Вследствие своих деяний в качестве киевского правителя Олег неминуемо должен был вступить в конфликт с хазарским каганатом, а затем и с греками. На глазах читателей ПВЛ из местного князька Олег становится главой огром-

(Хроника Георгия Амартола), Русский текст, комментарий, указатели, Москва 2000, с. 212. Но не кажется ли И. Н. Данилевскому в связи с его идентификацией Киева как Иерусалима странным, что миссия провозглашения Киева священным центром христианства поручается язычнику – «вещему Олегу»? Кроме того, С. А. Геденов привел параллель из «Жизни св. Оттона Бамбергского», в которой «матерью городов» в земле Померанской объявляется Штеттин. С. Геденов, *Варяги и Русь: Историческое исследование*, Санкт-Петербург 1876, ч. 1 и ч. 2-ая, с. 356. Еще один Иерусалим?

¹⁴ Тому, как Олег собирает дань с земель-племен вокруг Киева, И. Чекова находит параллель в былине о Вольге и Микуле: „Собирал себе дружинушку хоробрую.../ Вот посели на добрых коней, поехали./ Поехали к городам да за получкою.“ И. Чекова, *Фолклорно-эпически парадигмы в повествованието за княз Олег на староруските летописи*, [в:] *Годишник на Софийския университет “Св. Кл. Охридски”*, Факултет по славянски филологии, т. 87, 1994, кн. 2, „Литературознание”, с. 66.

¹⁵ Стоит отметить, что сходное выражение летописец вкладывает в уста Бориса Вячеславича накануне сражения со «стриями» (Изяславом и Всеволодом Ярославичами) в 1078 г.: «И рече ему (Олегу Святославичу) Борисъ: «Ты готова зри, азъ имъ противень всѣмъ» (ПВЛ. 133)

¹⁶ И. Забелин, *История русской жизни*, Москва 1912, 2-е изд., ч. 2, с. 118-120.

¹⁷ См.: А. С. Демин, *О древнерусском литературном творчестве*, с. 19-20.

ного государства, ведущего на международной арене независимую политику – головокружительный взлет. Современные историки свидетельствуют: «По размаху своей деятельности и стратегической мысли Олег далеко превзошел своего предшественника. Он впервые создал межплеменную славяно-варяго-чудскую армию и, предприняв в 882 г. невиданный по составу его участников поход, окончательно объединил северную (Верхнюю) и южную (Низовую) Русь в единое государство со столицей в Киеве»¹⁸.

После 885 года летопись на 22 года умолкает о деяниях Олега и созданного им государства.¹⁹ Но он, видимо, не бездействовал. По изысканиям Н. Ламбина, Олег в эти два десятилетия утвердился в северном Причерноморье, основывая Тмутороканскую Русь.²⁰ Масуди рассказывает о некоем ал-Олванге, под которым, вероятно, имеется в виду Олег, как о правителе крупного масштаба: «Вслед за ним (за «ал-Дира», т. е. летописным Диром – А. Ш.) следует царь ал-Олванг, у которого много владений, обширные строения, большое войско и обильное снаряжение. Он воюет с Румом, франками, лангобардами и другими народами. Войны между ними ведутся с переменным успехом».²¹ Во всяком случае, к 907 году Олег располагал достаточно мощными силами для военного похода на Византийскую империю: под его началом выступило, по перечислению летописи, 13 или 14 («словене» названы дважды) племен, среди которых упоминаются и непокорные прежде тиверцы (уличи отсутствуют). Ныне можно прочесть, что Олег совершает этот поход на греков по приказу «досточтимого Песаха», хазарского военачальника, ибо раньше, по наущению греков, Олег грабил хазарские города, и теперь, будто бы, Песах принудил Олега наказать греков²². Источником этого рода построений является, прежде всего, так называемый текст Шехтера, заново опубликованный Н. Голбом и О.

¹⁸ А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, *Русь и Варяги*, с. 195. Ср.: В. О. Ключевский, *Курс русской истории*, ч. 1, Москва 1987, т. 1, с. 159.

¹⁹ Эта лакуна, как и некоторые иные хронологические соображения, побуждают исследователей искать второго Олега. См.: В. Кожин, *История Руси и русского Слова. Современный взгляд*, Москва 1997, с. 293-307; С. Э. Цветков, (*Русская история: книга вторая*, Москва 2004, с. 5-30 и мн. др.) находит второго Олега в моравских хрониках. Критику «источников», содержащих сведения о «моравском» Олеге, см.: А. Назаренко, *Древняя Русь на международных путях*, Москва 2001, с. 368-369; Е. В. Пчелов, *Генеалогия древнерусских князей: IX – начало XI в.*, Москва 2001, с. 158. Есть попытки и вовсе «вывести» Олега из круга деятелей Днепровской Руси – См.: А. Л. Никитин, *Князь Олег и его экспедиции в Константинополь*, [в:] А. Л. Никитин, *Основания русской истории: Мифологемы и факты*, Москва 2001, с. 170-193. Впрочем, один факт – договор Олега с греками – обрушивает такого рода построения.

²⁰ Н. Ламбин, *О Тмутороканской Руси* (Отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения *Несторовой летописи*»), [в:] ЖМНП, 1874, ч. 171, с. 58-95. Вероятно, поэтому он и выпал на этот срок из поля зрения киевоцентристской летописи.

²¹ См.: А. П. Новосельцев, *Образование древнерусского государства и его первый правитель*, [в:] *Древнейшие государства Восточной Европы*, 998 г. Москва 2000, с. 472.

²² См.: Л. Н. Гумилев, *Древняя Русь и Великая Степь*, Москва 1997, с. 221-227.

Прицаком. Текст, конечно, интересный, но аргументов, свидетельствующих о большей, нежели в ПВЛ, достоверности содержащихся в нем сведений нет²³. Не менее увлекательны и соображения о том, что Олег сам напал и от себя же оборонял Царьград, ибо «и «неверными»-захватчиками, и защитниками оказываются одни и те же люди – воины Олега».²⁴

Рассказ о греческом походе Олега пространен и неоднороден. Информационные сведения перемежаются здесь с яркими зарисовками, драматизированными сценами, художественная закругленность которых указывает на их фольклорную обработку. Трудно судить о жанровой природе фольклорных источников, легших в основу летописного рассказа. Вероятнее всего, это были исторические предания, рассказываемые прозой, хотя не исключено, что в них могли быть стихотворные вставки. Перемежение стиха и прозы свойственно эпосу разных народов²⁵. Своеобразный ритм, а порой и рифма, ощущаются даже в пересказе летописцев:

«И прииде къ Царюграду;/
и греци замкоша Судь,²⁶ /

²³ Если следовать сведениям «Кембриджского анонима», надо совместить походы 907 и 941 гг. в один и считать, что Олег Вещий не погиб в 912 г. от укуса змеи, а продолжал жить и воевать до 941 г. Поскольку эти позиции не доказаны (а доказать их сложно, ибо к 941 г. Олегу должно быть не меньше 90 лет – возраст мало подходящий для войн с Песачом и греками), отождествлять Олега Вещего с Хлгу текста Шехтера нельзя. Публикатор и исследователь еврейско-хазарских текстов П. К. Коковцев скептически относился к достоверности этого источника: «Факт несомненной литературной зависимости Кембриджского документа от еврейского произведения, известного под именем «Книги *Iosunnon*», чрезвычайно важен, так как дает пока единственную твердую точку опоры как для суждения о подлинности нашего документа, так и о большей или меньшей степени достоверности сообщаемых в нем исторических и других данных. Первый из этих обоих вопросов может быть теперь решен со значительной долей вероятности *только в отрицательном смысле...*». П. К. Коковцев, *Еврейско-хазарская переписка в X веке*. Ленинград 1932, с. XXX. А. А. Горский, заново проанализировав сведения «Кембриджского анонима», свел изображенные в нем события к локальному конфликту в северном Причерноморье: Хлгу-Олег хазарских источников – не Олег Вещий, а «один из представителей правившего в Киеве княжеского рода» – А. А. Горский, *Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века*, [в:] „Вопросы истории” 1999, № 8, с. 47-49. Более широкую критику источников о мнимом хазарском господстве над Русью см.: Х. Ловмянский, *Русь и Норманны*. Пер. с польского, Москва 1985, с. 76, 146-152, 254.

²⁴ См.: И. Н. Данилевский, *Древняя Русь*, с. 366. Эта же мысль повторена в кн.: И. Н. Данилевский, *«Повесть временных лет»: Герменевтические основы изучения летописных текстов*, Москва 2004, с. 158.

²⁵ Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, С. Е. Новик, *Статус слова и понятия жанра в фольклоре*, [в:] *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания*, Москва 1994, с. 46.

²⁶ М. Б. Свердлов указывает, что ПВЛ в названии Босфора использует др. сканд. слово *Sund*, означающее «пролив». – См.: М. Б. Свердлов, *Отбор и интерпретация исторической информации в «Повести временных лет»*, [в:] ТОДРЛ, Санкт-Петербург 2006, т. 57, с. 51.

а градъ затвориша. /
 И выиде Олегъ на брегъ, /
 и воевати нача, /
 и много убийства сотвори /
 около града грекомъ, /
 и разбиша многы полаты, /
 и пожгоша церкви. /
 А их же имаху плѣнники, /
 овѣхъ посекаху, /
 другаи же мучаху, /
 инья же растреляху, /
 а другыя в море вметаху, /
 и ина многа зла творяху ²⁷ /
 русь грекомъ, /
 елико же ратнии творять» (24).

Прозаическое продолжение этого эпизода также не лишено живописности: «И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убояшася, и рѣша выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемъ ся по дань, яко же хочещи». И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святой Дмитрей, посланъ на ны от Бога». И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривень на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь» (24).

По характеристике русского историка, «Олег в своем походе на Царьград носит на себе печать народнопесенного идеального богатыря, наводящего страх, берущего дани громадных размеров²⁸, добывающего мечом разные блага, того идеала, который дает себя знать, как в остатках великорусского былинного эпоса, так и в малорусских колядках, сохраняющих и древние об-

²⁷ Рифма, точнее сходноконечность, восходит к византийской традиции («гомеотелевты»). Показательно, что славянские переводчики сразу научились её передавать. См.: Е. М. Верещагин, В. П. Вомперский, *Как начиналось искусство книжного слова на Руси*, [в:] „Русская речь” 1988, № 6, с. 73. В то же время, по наблюдениям Ю. И. Юдина, даже в позднем былинном эпосе глагольное сказуемое «играет самую существенную, доминирующую роль. На сказуемое в подавляющем большинстве случаев падает интонационно-логическое ударение. Выделить его, сосредоточить на нем главное внимание призвано особое синтаксическое построение былинной строки, содержащей сказуемое». И. Ю. Юдин, *Героические былины (поэтическое искусство)*, Москва 1975, с. 97. Не потому ли была столь быстро усвоена и передана византийская поэтическая техника?

²⁸ Впрочем, М. П. Погодин приводит много материалов в пользу того, что эта и другие дани, взимаемые русскими князьями с греков, не имели ничего невероятного. См.: М. П. Погодин, *Исследования, замечания и лекции о русской истории*, Москва 1846, т. 3, с. 186-207.

разы и древний пошиб поэтических приемов»²⁹. Песенные истоки сказаний об Олеге допускал и Б. Н. Путилов, правда, при этом производилась реконструкция летописного текста: прорицание волхвов, поход на греков, возвращение и смерть – таков сюжет предполагаемой песни³⁰.

Вслед за эпической картиной военных действий в летописи помещен «документальный»³¹ договор Олега с Греками, но заканчивается описание похода опять-таки эпизодом, фольклорные истоки которого очевидны: «И рече Олегъ: «Исшийте парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя», и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда. И воспяша русь парусы паволочиты, а словене кропиньны, и раздра а́ вѣтръ; и рѣша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словѣномъ прѣ»³² паволочиты».

Прервем цитату и прокомментируем этот эпизод, хотя он, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к «биографии Олега». Здесь видна та давняя вражда-соперничество новгородцев (словен) и киевлян (руси), которая впервые в ПВЛ проявилась в добродушно ироническом рассказе о «новгородских банях», приведших в изумление апостола Андрея, и которая неоднократно еще даст о себе знать в последующих событиях. При этом всякий раз даётся конкретное проявление этой вражды, имеющее вид сценок с живыми деталями, репликами действующих лиц, сюжетной завершенностью.

В эпизоде с парусами в отличие от эпизода с новгородскими банями видна не киевская, а проновгородская тенденция: здесь и гордое пренебрежение словен дорогими, но малопригодными для военного дела вещами, и отсутствие зависти, и естественная для суровых воинов привязанность к вещам простым, но надёжным, – к своим «толстинам». Детали – паруса «паволочиты» и паруса из

²⁹ Н. И. Костомаров, *Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях*, [в:] Собрание сочинений, Санкт-Петербург 1904, т. 13, с. 79-80.

³⁰ Б. Н. Путилов, *Русский историко-песенный фольклор XIII – XIV веков*, Москва – Ленинград 1960, с. 38-40. С Б. Н. Путиловым полемизирует С. Н. Азбелев (Летописание и фольклор. С. 12-15). Однако убедительными аргументы С. Н. Азбелева в этом случае признать трудно. Взгляд на строение исходного Сказания об Олеге, близкий Б. Н. Путилову, см.: Е. А. Мельникова, *Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции*, [в:] *Древние государства Восточной Европы*, 1998 г. Москва 2000, с. 150.

³¹ Вопросов об исторической достоверности договоров 907 и 911 гг. не касаемся. См.: М. В. Левченко, *Очерки по истории русско-византийских отношений*, Москва 1956, с. 111-112, 119-124 и др.; А. Н. Сахаров, *Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X века*, Москва 1980, с. 84-146; М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.*, Санкт-Петербург 2003, с. 145-146.

³² М. А. Оболенский считал, что слово «пре» должно обозначать не паруса, а знамя, хоругвь. См.: М. А. Оболенский, *Несколько слов о первоначальной русской летописи*, Москва 1870, с. 10-15.

«толстин» – значат здесь не только то, что они означают номинально, они несут сверхнагрузку, становятся проводниками мыслей, прямо не высказанных и идеологически не нейтральных: о превосходстве суровых словен над падкой на роскошь «русью» (в терминах древнеиндийской поэтики здесь мы встречаемся с типичным «дхвани», когда «проявляемое» – превосходство словен над русью – намного значительнее «выраженного» – истории с парусами³³). В любом случае, рассказ этот является не просто фиксацией событий, но сюжетно организованным художественным повествованием с присущей художественному тексту многослойностью смыслов.

В связи с получением Олегом дани с греков, особенно мотивом изготовления парусов из дорогих тканей, И. Н. Данилевский привлекает обличения пророком Иезекиилем жителей финикийского города Тира, которые делали паруса из египетского полотна; кроме того, отмечает исследователь, жители Тира успешно торговали со всеми окрестными странами (Иез 27: 1-25) – все это, на взгляд И. Н. Данилевского, «довольно близко к тому, что летописец рассказывает о походе Олега».³⁴ Решительно не находим никаких параллелей между обличениями Иезекииля и летописью. Парусам тирян из египетской ткани, о которых говорит Иезекииль, не противопоставлены никакие другие, они не «рвутся», нет никаких аналогий летописному противопоставлению руси и словен – словом, точек соприкосновения этого библейского текста с летописным эпизодом с парусами не оказывается. Ничего не сообщает летопись о торговых операциях Олега, чем отличались жители Тира. Уж если сопоставлять описание богатств Тира с каким-либо летописным текстом, то, скорее, со словами Святослава, когда князь перечисляет, откуда и какие стекаются к нему товары в Переяславец на Дунае (статья 969 г.), хотя и это сближение совершенно не обязательно. Совершенно не согласны с замечанием Данилевского, что «разделение руси и словен носит... вторичный характер»³⁵, ибо именно в этом смысл эпизода. Впоследствии отличия руси и словен, действительно, стирались, и они все становились «русскими», но в рассказе из времени Олега дифференциация еще очевидна (противопоставляется, видимо, варяжский и славянский элемент в войске Олега).

Продолжим прерванную цитату: «И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вѣщій: бяху бо людие погани и невѣгласи» (25). По мнению авторов коллективной монографии, «семантика его (Олега – А.Ш.) прозвища, а прежде всего имени – славянского Ольгъ (др.-сев. *Helgi*) – «священный», причем сразу в славя-

³³ *Авандавардхана. Дхваньялока («свет дхвани»)*. Перевод с санскрита, введение и комментарий Ю. М. Алихановой, Москва 1974, с. 71-72 и др.

³⁴ И. Н. Данилевский, *Повесть временных лет*, с. 152.

³⁵ Там же, с. 153.

низированной форме..., возможно, указывает на определённые сакральные, княжеско-жреческие функции»³⁶.

Итак, Олег в апофеозе своей славы. Он прибил щит к воротам столицы империи, «показуа победу»³⁷, в договорах с греками Олег именуется «великимъ княземъ рускимъ»³⁸, имеющим под своей державною рукою многих «свѣтлых и великих князь» и «великих боярь» (25-26). Он устанавливает мир с греками на вечные времена: «Тако же и вы, греки, да храните такую же любовь ко княземъ нашимъ свѣтлымъ рускимъ и ко всѣмъ, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего, **несоблазну и непреложну всегда и во вся лѣта**»³⁹ (26).

Взлёт судьбы и удачи Олега стремителен и неудержим: норманнский находник, затем князь местного масштаба, даже не князь, а регент при малолетнем князе Игоре, Олег становится главой могущественного государства, фигурой мирового масштаба. Поначалу славянские и иные племена и земли, затем хазары, наконец имперские греки – все отступают перед ним, все по-

³⁶ А. Н. Кирпичников и др., *Русь и варяги*, с. 195. Сходную этимологию, предложенную А. И. Лященко, критиковала Е. А. Рьдзевская (*Древняя Русь и Скандинавия в IX – XIV вв.* (материалы и исследования), Москва 1978, с. 187), но иной этимологии Е. А. Рьдзевская не предложила. Толкование имени Олег как Helgi – «священный (святой)» поддерживает В. Я. Петрухин, *Древняя Русь: Народ. Князь. Религия*, [в:] *Из истории русской культуры*, т. I (*Древняя Русь*), Москва 2000, с. 252. Однако не вполне ясна лингвистическая безупречность передачи понятий «священный/святой» лексемой «helgi». Ф. Б. Успенский, исследуя этимологию этого понятия в скандинавских языках, постоянно приводит иную лексему – «heilagr». Ф. Б. Успенский, *Скандинавы. Варяги. Русь*, с. 215-220 и прим. 171. Кроме того, имя Олега обычно рассматривается как перевод его прозвища «Вещий», трактуемого как «святой» (Олег=вещий=святой= helgi); на наш взгляд, «святой» и «вещий» – понятия разной стадильности и не идентичного семантического наполнения. Указанные сомнения, по-видимому, снимает замечательная статья Е. А. Мельниковой: *Ольгъ/Олег < Helgi > Вещий*. К истории имени и прозвища первого русского князя // Олег Вещий: Ad fontem. У источника. Сб. ст. в честь С. М. Каштанова, Москва 2005, с. 138–146. Автор показывает, что *helgi* – это стяженная и слабая форма прил. *heilagr*; соотношение же «святого» и «вещего» – это встреча и известная ассимиляция скандинавской традиции в среде славянского язычества (Там же, в особенности с. 143-146).

³⁷ И. Н. Данилевский (с опорой на А. Л. Никитина) трактует акт прибавления щита к воротам в том смысле, что Олег берет Царьград под свою защиту. См.: И. Н. Данилевский, *Повесть временных лет*, с. 152-154. Не оспаривая возможности такого акта и обычая в исторической действительности, считаю такую трактовку не соответствующей летописному тексту (подчеркиваю: тексту, а не событию): летописец совершенно определенно говорит, что Олег прибил щит, «показуа победу» (ПВЛ), «показая побѣду» (Н1ЛМ).

³⁸ В. Я. Петрухин, отмечая, что титул «великий князь» появляется лишь с XII века, полагает, что в договорах с греками «предводители Руси, очевидно, именовались «архонтами»...». В. Я. Петрухин, *Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков*, Москва 1995, с. 130. Если это так, тем показательнее для историко-литературной концепции автора начала XII в. переосмысление архонта в великого и светлого князя.

³⁹ В договоре с греками преемника Олега Игоря формула вечности еще образнее: «дондеже солнце съяет и весь миръ стоять, в нынешния вѣки и в будущая» (39).

коряются ему. Он – «святой Дмитрий» для греков⁴⁰, «вѣщий» - для язычников.⁴¹

Какова же развязка этой блистательной судьбы?

Мы подходим к знаменитому эпизоду о смерти вещего Олега. Рассказ этот многократно привлекал внимание учёных. Интерес к нему, помимо фактологического и источниковедческого аспектов, определяется, по-видимому, его художественным совершенством. Б. Н. Путилов отмечал «композиционную стройность, гармоничность... рассказа», его «сюжетную завершенность, почти полное отсутствие деталей прагматического изложения... Самый замысел его лежит в сфере не реальной истории, а истории народно-поэтической...»⁴². Замысел этот охарактеризован Н. И. Костомаровым: «Сущность этого сказания в том, что человеку, желающему раскрыть тайну будущего, открывается правда, но он не может понять её, потому что она выражена так, что не всё досказано, а прорицание сбывается тогда, когда, по-видимому, уже не представляется никакой возможности, чтобы оно сбылось»⁴³. Психология восприятия Олегом предсказания волхва выявлена замечательно тонким анализом А. С.

⁴⁰ Вызывало недоумение, почему Олег сравнивается в данном случае с Дмитрием Солунским, ибо в житиях св. Дмитрия нет случая, чтобы последний разгадывал подносимую ему отраву. (ПВЛ. Ч. 2. С. 265). Д. Иловайский высказывал мнение, что вся история похода Олега на Царьград выросла на основе сюжета из более ранних времен и иной географии, в частности, сюжета о нападении скифов на Солунь (Фессалонику), покровителем которой и был местночтимый св. Дмитрий. – См.: Д. Иловайский, *Разыскания о начале Руси*, Москва 1876, с. 413. Однако вся ткань летописного повествования об Олеге, органичность включенного в неё эпизода с парусами не позволяют принять это мнение: все слишком увязано с конкретными историческими реалиями похода на Греков именно «руси» и «словен» времен Олега. По этой же причине не убедительно и мнение о болгарском источнике (см.: А. А. Шахматов, *Разыскания...*, с. 466-467). В то же время упоминание о Дмитрие Солунском приходится счесть за такое свидетельство, которого не могли придумать Олеговы русичи, ибо они были язычниками. И. Чекова указала, что мотив отравы связан с близким Дмитрию святым – Георгием, они способны замещать друг друга. И. Чекова, *Фолклорно-эпически парадигмы в повествовании за князь Олег и основането на киевска рус в староруските летописи*, с. 76-77. Таким образом, оснований сомневаться в том, что оно относилось к Олегу, не больше, чем против того. Отметим и то, что проведённая греками связь Олега со св. Дмитрием Солунским, служит аргументом в споре с теми, кто сомневается в этом походе Олега, да и в нем самом. О возможной идеологической мотивировке этой параллели см.: А. В. Чернецов, *Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в.*, [в:] ТОДРЛ, Ленинград 1990, т. 44, с. 432.

⁴¹ Э. А. Минакова, видя в Олеге и скандинавском Озде одно лицо, полагает, что прозвище «вещий» Олег получил от бога Ода (Одина): летописное пояснение «и прозваша Олга – вѣщий» истолковывается как «Олега прозвали «одом», т. е. «провидцем»». Э. А. Минакова, *Князь Игорь Старый и «Игорева Русь» (первая половина X в.)*, Орел 2004, с. 273. В таком случае имя героя саги Орвар Озда надо переводить как «вещая, или провидческая стрела», но что же это такое – «вещая стрела»?

⁴² Б. Н. Путилов, *Русский историко-песенный фольклор...*, с. 38.

⁴³ Н. И. Костомаров, *Предания первоначальной русской летописи...*, с. 95.

Демина.⁴⁴ Особенности сюжетной реализации замысла проанализированы О. В. Твороговым⁴⁵.

Но обычно рассказ о смерти Олега рассматривается изолированно, вне связи со всей его биографией. Между тем, эпизод смерти является художественным завершением повествования о жизни Олега, **смерть Олега может и должна быть увязана со всей его жизнью**. Тем более что в рассказе о смерти есть детали, которые не могут быть вполне объяснены вне контекста целого.

После победы над греками Олег-триумфатор вернулся в Киев и начал мирно править⁴⁶. Миновало четыре лета, и на пятое Олег вспомнил о предсказании, которое было дано ему еще до похода: «И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой ...».⁴⁷ Узнав, что конь умер, Олег презрительно смеется. О смехе упоминается еще раз: князь, смеясь, наступает на череп коня.

Смех в системе средневекового повествования, и устного и письменного, – не просто художественная подробность или случайно подмеченная рассказчиком деталь. Это резко характеристическая черта: «смех бо не хрестьяньско есть»⁴⁸. Смеется Змей, Идолище,⁴⁹ нахвальщик-печенег или татарин; смеется

⁴⁴ А. С. Демин, *О древнерусском литературном творчестве...*, с. 21-23.

⁴⁵ *Истоки русской беллетристики*, Ленинград 1970, с. 38-39.

⁴⁶ Другое дело, что в действительности Олег в эти годы, кажется, усиленно занялся Хазарией. См.: В. А. Пархоменко, *К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега*, [в:] ИОРЯС, Санкт-Петербург 1914, т. 19, кн. 1, с. 225-228 и др.; В. В. Бартольд, *Арабские известия о русах*, [в:] *Советское востоковедение*, Москва-Ленинград 1940, с. 34-36. Однако нас здесь интересует интерпретация ПВЛ, а не историческая действительность.

⁴⁷ То, что о предсказании сообщается не тогда, когда оно было дано, а накануне его свершения объясняется, как указывалось выше, тем, что летописец, вероятно, перестроил какое-то целостное эпическое сказание об Олеге, в котором предсказание предшествовало походу на греков. В прошлом веке М. И. Сухомлинов убедительно объяснил логику перестройки композиции летописцем: «Причина несвоевременного внесения известия в летопись та, что предсказание получило значение для летописца уже тогда, когда оно исполнилось; летописцу не казалось важным впечатление, произведенное на Олега словами кудесника, и об этом он упоминает только мимоходом; главное же было то, что Олег умер по предсказанию волхва...». М. И. Сухомлинов, *О древней русской летописи как памятнике литературном*, [в:] *Ученые записки второго отделения АН*, Санкт-Петербург 1856, кн. 3, с. 149-150.

⁴⁸ Слова Василия Великого (IV в.) Цит. по: Б. М. Клосс, *Избранные труды*, т. I., *Житие Сергия Радонежского*, Москва 1998, с. 51-52. Отметим, кстати, что характер грамматических форм этого фрагмента, а именно фразы о смехе Олега, по наблюдению А. А. Гиппиуса, свидетельствует о поздней вставке, предположительно, на уровне редакции Нестора (см.: А. А. Гиппиус, *Рекошиа дружина Игоревы: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи*, [в:] *Russian Linguistics*, 2001, 25, с. 169). Тем несомненной становится христианская оценка смеха.

⁴⁹ В более глубокой ритуально-мифологической перспективе смех сопряжен с жизнью, противопоставлен смерти (см. об этом: В. Я. Пропп, *Ритуальный смех в фольклоре: По поводу сказки о Несмеяне*, [в:] В. Я. Пропп, *Фольклор и действительность: Избранные статьи*, Москва 1976, с. 174 – 204). Смеясь, Олег, может быть, подчеркивает свою причастность миру живых, несмотря на предсказанную смерть. О дистрибуции языческого и христианского смеха интересные замечания см.: Л. В. Карасев, *Философия смеха*, Москва 1996, с. 48-50, 59 и др.

дьявол, смех – сатанинский и т. п. Смех – признак гордыни, гордыни необоснованной и требующей наказания.

Вопреки распространенному мнению, Олег приехал не прощаться с останками любимого существа: он со смехом попирает ногою череп. В «Сказании о Борисе и Глебе» в тексте молитвенного характера говорится: «...да не придет на ны нога гордыня...».⁵⁰ Не исключено, что Олег здесь совершает ритуал.⁵¹ Прежде он высмеял предсказание: «посмѣся и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волъсви, но все то лъжа есть ...» (29-30).

Чтобы понять и объяснить поведение Олега, его вызывающую гордыню, нужно «подключить» к этому финальному эпизоду всю предшествующую и уже известную читателю ПВЛ биографию Олега: из местного князька Олег становится главой огромного государства, способного вести самостоятельную политику на мировой арене. Во главе армии из воинов 13 земель Олег обрушился на Византийскую империю, и греки не в силах противостоять ему. Князь получает с греков огромную дань и заключает с империей договор как глава равновеликого государства. Его щит красуется на вратах Константинополя, греки готовы видеть в нем «святого Дмитрия», посланного на них Богом за грехи, язычники же считают его «вещим», способным провидеть то, что недоступно обычному человеческому взору («проведал», что угощение, предложенное греками, отравлено). И вот теперь, не только люди, племена, государства и империи покоряются Олегу – сама судьба отступилась от него: «конь умерль есть, а я живь» (30). Нет силы, способной противостоять ему.⁵²

Это и есть та основа, на которой разрастается гордыня Олега, и в летописи читателю объективно показан этот путь. Эпизод смерти проясняет, высветляет идею, заложенную во всей его биографии. В финальной сцене Олегу надо окончательно удостовериться в своей победе над судьбой, он глумится над останками существа, от которого он должен был принять смерть. Вслед за А. С. Пушкиным здесь обычно видят прощание князя с конем, но в летописи Олег

⁵⁰ *Сказание о Борисе и Глебе*, [в:] *Библиотека литературы Древней Руси*, т. 1., XI – XII века, Санкт-Петербург 1997, с. 348. Видимо, такую же «ногу гордыни» имеет в виду и летописец.

⁵¹ Д. С. Лихачев полагает, что «выражение «стать на костях» – ...означающее «одержать победу», – не является просто формулой воинских повестей, а связано с каким-то церемониальным моментом...». Д. С. Лихачев, «*Слово о полку Игореве*» и культура его времени, Ленинград 1978, с. 185. Об архаической семантике попрания останков враждебного существа (а конь для Олега становится таковым в результате предсказания) см.: Т. А. Новичкова, *Эпос и миф*, Санкт-Петербург 2001, с. 158-162.

⁵² А. С. Демин полагает, что, сопоставляя себя с конем, Олег вызывает осуждение летописца (А. С. Демин, «*Подразумевательное*» повествование в «*Повести временных лет*», [в:] *Герменевтика Древнерусской литературы*, Сборник 12, Москва 2005, с. 548-549). Осуждение имеет место, но не из-за сопоставления с конем, ибо конь здесь уже не просто животное, а носитель судьбы. Чувство слепо торжествующей гордыни – вот что вызывает осуждение летописца.

ногой попирает останки коня – так с товарищами не прощаются.⁵³ Перечитаем летопись. Олег: «...прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голь, и ссѣде с коня, и **посмеяся** рече: «Отъ сего ли лба смерть было взяти мнѣ?». И **въступи ногою** на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклону в ногу. И с того разболѣся и умре» (30). Ставя ногу на череп, Олег попирает свою судьбу, которая, как ему представляется, уже не властна над ним.

Б. А. Рыбаков иначе интерпретирует смысл этого эпизода. По его мнению, «составитель сказания считал, что волхвы и кудесники Русской земли не ошибаются»⁵⁴. Не беремся утверждать, что считал составитель сказания, но летописец, включивший это сказание в летопись, спешит оправдаться в том, что предсказание отечественного волхва сбылось. В качестве оправдательного материала летописец приводит пространную выдержку из Амартола о предсказаниях и чудесных деяниях прежде бывших волхвов самых разных народов⁵⁵.

Кроме того, Б. А. Рыбаков обращает внимание на то обстоятельство, что в фольклоре конь всегда верный помощник героя. В смерти от коня Б. А. Рыбаков усматривает антиваряжскую тенденцию русской летописи: дескать, по отношению к Олегу даже конь оказывается враждебным существом, орудием, осуществляющим «возмездие Русской земли варягу-находнику»⁵⁶. Напомним, что сходным с Олегом образом погибает герой саги Орвар-Одд – значит ли это, что скандинавская сага имела «антиваряжскую тенденцию»? Однако Б. А. Рыбаков прав в том, что ситуация смерти героя от коня требует объяснения. В этом аспекте существенным становится вопрос о связи летописного Олега с героем скандинавской саги.

Соотношение Олега и Одда, мотивов саги и русской летописи – отдельная тема, в решении которой, на наш взгляд, наиболее успешны работы Е. А. Мельниковой. Исследователь рассматривает бытование исходных мотивов на русской и скандинавской почве, их взаимовлияние и в то же время особенности их развития в рамках национальных традиций, обусловленных этноконфессиональными отличиями.⁵⁷ Вопрос же о смысле фольклорного мотива гибели

⁵³ Олег «кошунствует над конским черепом», считает Ю. А. Кизилев: Историческое мировоззрение авторов *Повести временных лет*, „Вопросы истории“, Москва 1978, № 10, с. 67.

⁵⁴ Б. А. Рыбаков, *Древняя Русь*, с. 179.

⁵⁵ О «мотивных» связях входящего в повествование о волхвах рассказа об Аполлонии Тианском с эпизодом смерти Олега, в частности, с упоминанием могилы Олега, см.: В. Л. Комарович, *Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв.*, [в:] ТОДРЛ, Москва-Ленинград 1960, т. 16, с. 96–97. Связь сюжетов об Аполлонии и смерти Олега обнаруживается и текстологически (вставлены на уровне третьей редакции ПВЛ). См.: М. Х. Алешковский, *Первая редакция «Повести временных лет»* [в:] *Археологический ежегодник за 1967 г.*, Москва: Наука, 1969, с. 20.

⁵⁶ Б. А. Рыбаков, *Древняя Русь...*, с. 179.

⁵⁷ См.: Е. А. Мельникова, 1) *Сюжет смерти героя „от коня“ в древнерусской и древнескандинавской традициях*, [в:] *От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Шапову*, Москва 2005, с. 95–108; 2) *Олег Вещий: к*

ли героя от животного, в частности, от коня, должен решать фольклорист, располагающий достаточной полнотой фольклорного и этнографического материала, относящегося к теме⁵⁸. По мнению Е. А. Рыдзевской, опирающейся на обширный круг сюжетов, смерть героя от своего коня близка к смерти героя от своего меча и наступает его как «наказание, как месть за совершенное им убийство»⁵⁹. И все же этнографически убедительного объяснения мотива смерти от коня до сих пор не предложено. А. Н. Афанасьев приводит материалы, показывающие, что конский череп был важным оберегом, мог продуцировать урожай⁶⁰, лошадь могли приносить в жертву⁶¹, но в славянских и иных обрядах и обычаях нет мотивов, где бы лошадь (конь) становилась источником смерти. Афанасьев приводит сюжет, восходящий, по его мнению, к Одину, в котором имела место смерть от черепа, правда, не конского: «...однажды Гакельнбергу (имя, принадлежащее Водану / Вотану, – пояснение Афанасьева)

проблеме адаптации скандинавских культурных традиций в Древней Руси, [в:] Олег - адаптация: Материалы международной конференция, посвященной 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского, Санкт-Петербург 2003, с. 354–362; 3) Ольгъ/Олег < Helgi > Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя, [в:] Олег Вещий: Ad fontem. У источника, Сб. ст. в честь С. М. Кашианова, Москва 2005, с. 138–146. См. также: А. П. Сапунов, Сказания исландских, или скандинавских саг о Полоцке, князьях полоцких и р. Западной Двине, [в:] Полоцко-Витебская старина, Витебск 1916, Вып. 3, с. 5; А. И. Лященко, Летописные сказания о смерти Олега Вещего, [в:] ИОРЯС, Ленинград 1925, т. 29, с. 254–288.

⁵⁸ В какой-то мере эту задачу выполняет глава «Смерть от коня» в издании: *Древняя Русь в свете зарубежных источников, под ред. Е. А. Мельниковой*, Москва 1999, с. 489–493, но и здесь фольклористически и этнографически достаточного разъяснения не содержится. Этнографические материалы показывают, что, по архаическим представлениям, конь связан с загробным миром, уносит умершего в страну мертвых (См.: В. Я. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки*, Ленинград 1986, с. 172–173; В. Я. Петрухин, *Конь*, [в:] *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*, изд. 2-е, Москва 2002, с. 245–247). Многочисленные материалы в связи с конем, конским черепом, змеей приведены и проанализированы в работе: И. Чекова, *Фолклорно-эпические парадигмы в повествовании о князе Олеге и основанности на киевских рус в старорусских летописях*, с. 91–120. В представлениях южных славян, правда поздней фиксации, конь и змей могут сочетаться в некое единство - змијски конь, змеей становится конский волос, попавший в воду. См.: А. В. Гура, *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва 1997, с. 296, 378.

⁵⁹ Е. А. Рыдзевская, *Древняя Русь и Скандинавия*, с. 191. Е. А. Мельникова считает, что мотив убиения коня – исконный, скандинавский, связанный с обрядовой практикой. На русской почве этот мотив не нашел опоры в обрядовом быту славян и потому был заменен удалением коня. См.: Е. А. Мельникова, *Олег Вещий: к проблеме адаптации скандинавских культурных традиций в Древней Руси*, [в:] *Олег - адаптация: Материалы международной конференция, посвященной 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского*, Санкт-Петербург 2003, с. 360. Слабой стороной этой позиции является то, что мотив убиения коня появляется только в поздних русских летописях (XV–XVI вв.), а в НІЛ и ПВЛ речь идет об удалении коня.

⁶⁰ А. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу: В трех томах*, т. I, Москва 1994, с. 635, 636.

⁶¹ Там же, т. 2, с. 245.

привиделось в тяжелом сне, что он сражался с кабаном. Он действительно встретил на охоте кабана и после упорной борьбы поразил его. Торжествуя победу, он ударил мертвого зверя ногою и воскликнул: «рази, если можешь!». Но удар был направлен так неосторожно, что острый кабаный зуб пронзил сквозь сапог ногу охотника, и от этой раны он вскоре умер». ⁶² В мифологической матрице, как видим, был не конский череп, а кабаный. Афанасьев в связи с этим сюжетом вспоминает Вещего Олега, но, конечно, эта история, скорее, породила сюжеты, подобные истории кентского барона Роберта Шурланда, украшенные впоследствии мистическими подробностями, вроде зловещего хохота конского черепа, погружающегося в воду. ⁶³ Череп может оказаться и волчьим, а пинает его девушка, ⁶⁴ наконец, происшествие связывается с турецким султаном, которому, кстати, предсказание было дано, как и Олегу, лет за шесть до осуществления и по атрибутам оно ближе всего к летописному, т. е. здесь также есть конский череп и змея. ⁶⁵

Сосредоточиваясь на коне, мы упускаем из вида змею – непосредственное орудие предсказания. Между тем, змея отсылает к Велесу, их связь зарегистрирована древнерусским источником, правда, более позднего времени. ⁶⁶ Так что имеет право на существование версия, по которой человек Перуна, Олег, посмеялся над предсказанием служителя Велеса, волхва, и змея-Велес осуществила наказание. ⁶⁷

Возвращаясь к сопоставлению текстов об Одде и Олеге, надо обратить внимание на то, что скандинавская вещунья прямо называет череп коня как объ-

⁶² А. Афанасьев, *op. cit.*, с. 786.

⁶³ Текстовые материалы об Одде здесь и далее цитирую по статье: А. И. Лященко, *Летописные сказания о смерти Олега Вещего...*. См. также: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 489-493. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» ярл Сигурд убил шотландского ярла по имени Мельбригди Зуб и привязал отрезанную голову ярла к подхвостникам на своем коне; зуб, торчащий из головы ярла Зуба (не ясно, имелась ли игра слов в оригинале), вонзился в ногу Сигурда, нога распухла, и от этого Сигурд умер. Снорри Стурлусон, *Круг земной*, *op. cit.*, с. 54.

⁶⁴ М. И. Сухомлинов, *О преданиях древнерусской летописи*, [в:] СОРЯС, Санкт-Петербург 1908, т. 85, № 1, с. 270.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ «В Радзивилловской летописи есть миниатюра, изображающая клятву мужей Олега Перуном и Волосом, скотским богом. На ней Перун представлен антропоморфным идолом, а Волос – змеей, находящейся у ног Олеговых спутников». В. Н. Топоров, *Предистория литературы у славян: Опыт реконструкции*, [в:] *Введение в курс истории славянских литератур*, Москва 1998, с. 82.

⁶⁷ По данным Словаря Маковского, змея могла иметь «эсхатологическое значение и символизировать судьбу и предзнаменование судьбы», «отождествляться с жизнью и смертью», символизировать «небесные и земные двери, через которые проходят души умерших». М. М. Маковский, *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*, Москва 1996, с. 175-177.

ект, от которого придет смерть; славянский же волхв о черепае не говорит, он говорит о коне в целом, его предсказание менее конкретно и более соответствует недосказанности предсказаний. Это может быть свидетельством большей архаичности летописного текста.

Оба героя принимают меры, чтобы избежать предсказания, но меры эти неодинаковы: Одд с Асмундом *убивают* Факси, отрывают глубокую, в два человеческих роста, яму, затем заваливают труп Факси камнями, а промежутки забивают глиной, насыпают курган; Олег же, по НІЛМ и ПВЛ, велит только убрать коня от себя, но продолжать *кормить* его.

Оба героя считают, что одолели судьбу. Но в отличие от Олега, смеющегося над «несбывшимся» предсказанием, Одд, после того, как они погребли Факси, высказывается осторожно, так сказать, в сослагательном наклонении: «Вряд ли осуществится то пророчество, что Факси принесет мне смерть». Однако после того как Одда ужалила змея, и он сложил свою прощальную вису, он признает: «Ныне подтвердится на деле все, что мне предсказала та предсказательница...». Олег в летописи не оценивает свершившегося.

Попирание черепа в ретроспективной мифологической перспективе есть, видимо, попираие «предка»; голова, кости вообще – сакральный топос,⁶⁸ они способны помогать герою, об этом помнит восточнославянская сказка.⁶⁹ Видимо, уместно в этой связи вспомнить, чем завершилось попираие черепа Василием Буслаевым:

«Будет Василей в полу´горе,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова – человечьа кость.
Пнул Василей тое голову с дороги прочь».
Голова предсказала:
«Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая
И лежать будет голове Васильевой!»

⁶⁸ «Кость считалась вместилищем жизни (божественного огня) и тесно связанной с ней смерти», судьба могла быть «записана... на лбу». М. М. Маковский, *Сравнительный словарь мифологической символики*, с. 197, 312. (ср. слова Олега: «Отъ сего ли **лба** смърть было взяти мнѣ?»)

⁶⁹ См.: *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*. Составители: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский и др., Ленинград 1979, № 511. Есть в сборнике Афанасьева и «Кобылячья голова» в качестве отдельного персонажа, имеющая власть вершить суд над человеком и даже предать его смерти (сюжет, аналогичный известной сказке «Морозко»). См.: *Народные русские сказки*, А. Н. Афанасьева в трех томах, изд. подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков, т. I. Москва 1984, № 99. Не очень убедительные разыскания фольклорных истоков летописного сюжета «смерти от коня» см.: М. Н. Виролайнен, *Загадки княгини Ольги (Исторические предания об Олеге и Ольге в мифологическом контексте)*, [в:] *Русское подвижничество*, сост. Т. Б. Князевская, Москва 1996, с. 68-70.

Предсказание осуществилось:

«Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили»⁷⁰

Но каковы бы ни были мифологические и этнографические истоки мотива «попирания черепа», летописный текст уходит от них достаточно далеко. Русская летопись, как мы стремились показать, связывает «наказание» Олега не только с конкретным единичным актом, но и с жизненной позицией, с мировоззрением и тем самым наполняет старый сюжет новым морально-философским содержанием.

Гордыня – смертный грех, однако своей смертью, Олег заплатил «по счетам», и теперь ничто не мешает видеть в нем высокого героя, достойного народного сочувствия: «И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могила Ольгова. И бысть всѣх лѣт княжения его 33» (30). Если бы летописец действительно, как полагал Б. А. Рыбаков, держался антиваряжских настроений, он бы мог умолчать о всенародном плаче по князю. Отнести же этот пассаж к обычным этикетным формулам нельзя: это первое в ПВЛ из описаний такого рода, кроме того, далеко не все князья удостаивались и этикетных описаний их похорон.

Б. А. Рыбаков в рассуждении об отношении летописца к смерти Олега предпочитает опираться на данные НІЛМ, где говорится о смерти Олега «за морем» и где нет некролога. Но в таком случае надо четко различать об отношении какого летописца идет речь. Кстати, Б. А. Рыбаков имел в виду Варяжское (Балтийское) море, но ведь есть версии, согласно которым Олег умирает не за Балтийским, а за Черным или Каспийским морем, в Персии⁷¹. В этой связи возникает вопрос о могиле Олега, которую находят и в Ладозе, и в Киеве. П. Г. Лебединцев находил Олегову могилу на «западном склоне Старокиевской возвышенности, вблизи Жидовских ворот, называвшихся впоследствии Львовскими, то есть недалеко от сенной площади, что у Скорбященской церкви»⁷². Добавим, что, отказывая Олегу Вещему в киевской могиле, Б. А.

⁷⁰ *Новгородские былины*, издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий, Москва 1978, с. 94, 97. См. также, с. 100, 103, 106 и др. Ср.: Т. А. Новичкова, *Эпос и миф*, Санкт-Петербург 2001, с. 51-52.

⁷¹ См.: В. А. Пархоменко, *К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега*, [в:] ИОРЯС, Санкт-Петербург 1914, т. 19, кн. 1, с. 225-228, 235.

⁷² П. Г. Лебединцев, *Какая местность в древности называлась Олеговой могилой?*, [в:] *Чтения в историческом обществе Нестора-летописца*, Киев 1879, кн. 1, 1873-1877, с. 27. В. Л. Комарович приводил многочисленные свидетельства из летописания XII века с упоминаниями могилы Олега около Киева: *Культ рода и земли в княжеской среде XI-XIII вв.*, ТОДРЛ, Москва/Ленинград 1960, т. 16, с. 94-95. См. также: Е. В. Пчелов, *Генеалогия древнерусских князей*, с. 115.

Рыбаков ищет другого Олега для «Ольговой могилы» ПВЛ и указывает на Олега из поздних житий Владимира, который был отправлен князем вместе с Ждъберном в качестве свата к греческой Анне⁷³. А. А. Шахматов видел в этом Олеге все того же Олега Вещего, которого народное предание или песня перенесли в иную эпоху.⁷⁴ Наличие нескольких могил одного персонажа может быть объяснено традицией возведения кенотафов.⁷⁵ Удачное компромиссное объяснение предложил М. Б. Свердлов: «Видимо, с именем Олега символически были связаны особые по размерам или значению погребальные насыпи (одна из них – реальное место погребения Олега), обозначавшие крайние пределы его владений: одна из них – в Киеве, стольном городе, другая – в Ладоге или рядом с ней, первоначальным стольным городом».⁷⁶

Итак, внезапно «выникнувшая» змея исполняет предсказание, гордыня наказана, рок торжествует над очевидностью. Переводя ситуацию в мифологический план, в смерти Олега от змеи можно видеть месть Волоса (змеи) князю, изменившему в пользу Перуна,⁷⁷ но вряд ли христиане-летописцы и их читатели продолжали учитывать эту семантику.

В русском героическом эпосе рок, обычно, не властен над богатырями, они опровергают предсказанное. Но даже если рок торжествует, герой смело идет навстречу судьбе, как, например, Василий Буслаев или Илья Муромец (в «Трех поездках»). Олег тоже, казалось бы, идет навстречу судьбе, но, во-первых, поначалу он верит предсказанию и принимает меры к его, выражаясь современным языком, блокированию, а затем, уверенный в своей неуязвимости, стремится к поправлению судьбы.

Эпизод гибели Олега существует в летописи не отдельно от всего предшествующего жизнеописания. Перед нами не только по-годное, летописное фиксирование событий (хотя внешне оно продолжает им быть), но и завершенное повествование, обладающее несомненной суггестией. По мысли Л. Я. Гинзбург, «литературный герой полностью познается ретроспективно. Завершенный персонаж, персонаж произведения, дописанного писателем, дочитанного читателем, как бы рождается заново».⁷⁸ Эпизод смерти как бы обратным светом пронизывает предшествующее изображение – и биография Олега ста-

⁷³ Б. А. Рыбаков, *Древняя Русь*, с. 179.

⁷⁴ А. А. Шахматов, *Корсунская легенда о крещении Владимира*, Оттиск из сборника статей в честь В.И. Ламанского, Санкт-Петербург 1906, с. 91.

⁷⁵ См.: М. К. Каргер, *К характеристике древнерусского летописца*, [в:] ТОДРЛ, Москва-Ленинград 1955, т. 11, с. 71.

⁷⁶ М. Б. Свердлов, *Домонгольская Русь*, 179.

⁷⁷ См.: В. Я. Петрухин, 1) *Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков*, с. 140-142; 2) *Древняя Русь: Народ. Князь. Религия*, с. 149-150, 247.

⁷⁸ Л. Гинзбург, *О литературном герое*, Ленинград 1979, с. 16.

новится идеологически и художественно «связным» текстом: теперь ясно, что такая смерть является необходимым следствием такой жизни.

Выше отмечалась неоднородность текста, повествующего об Олеге и его деяниях: информационные сведения перемежаются с фрагментами, имеющими художественную природу. Но в раме всей биографии Олега такое разграничение становится не принципиальным: все фрагменты текста принимают участие в той сюжетной организации, которую мы пытались вскрыть, и, следовательно, все они участвовали в создании художественного целого. И информационное сообщение «приде к Смоленску с кривичи, и прия град, и посади мужь свои», и художественный, внутренне завершённый эпизод с парусами, на котором мы останавливались, сопряжённые с финалом Олега, поверх своего непосредственного смысла, становятся этапами на пути возрастания гордыни князя. Так что летописный погодный принцип, предопределяющий «фрагментарность» в изображении событий (И. П. Еремин), не исключает возможности целостного взгляда автора-летописца на всю судьбу-биографию и характер героя.

RESUME

Biographies of Russian princes in a chronicle are presented in the form of annual articles and that, at first sight, excludes the possibility of a coherent and integral narrative about them. A biography of a prince in researches is usually presented as a mechanical sum of annual articles.

The episode of the Prophetic Oleg's death reveals an idea of the "punishment for pride", and, posing the question of its origin, forces again to evaluate the life experience of the prince retrospectively. And then it turns out that that such a death is a logical end of such a life. Thereby all the life story of the prince becomes the unity organized by the plot.

The thought of the inevitability of the "punishment for pride" is not formulated by the chronicler anywhere outright and declaratively, but it is undoubtedly prompted to the reader by gestures, retorts, situations – i.e. artistic, literary means as such. Thus, the chronicle narrative appears to be not only historic narrative, but a literary text.